
ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Олег Яковлев
(г. Орск Оренбургской обл.)

АВТОНОМНОЕ ПЛАВАНИЕ
(Повесть)

Родился 2 марта 1945 г. в г. Шуе Ивановской области. С 1957 года проживает в г. Орске Оренбургской обл. Прослужил на Северном флоте 10 лет на атомных подводных лодках. Первые публикации начались на службе в 1967 году. Печатался в столичных газетах и журналах. Участник нескольких коллективных сборников, вышедших в издательстве «Золотая аллея» г. Калуга. Там же вышел в свет сборник стихов «Врачующее время».

Недавно издана книга стихов и прозы «Возвращение».

С 2000 г. член Союза писателей России. Повесть «Автономное плавание» автобиографичная.

Нигде в мире нет такого единства и сплоченности перед лицом смерти, как на подводной лодке, где все или погибают, или побеждают

Магомед Гаджиев

Глава 1

Что-то снилось. Стволы деревьев в незнакомом лесу, какие-то люди, бегущие в никуда. Женщина с расплывчатым лицом что-то говорила и время от времени потряхивала темною рукой мое плечо. В уши царапался то ли скрип, то ли звон.

— Сережа, да проснись же ты, наконец! Кто-то в дверь звонит!

До моего сознания доходит, что надо вставать — тревога, наверное! И за дверью стоит рассыльный матрос. Ч-черт, не вовремя! (А когда оно было вовремя?)

Картины сна немедленно исчезли, открываю глаза и сажусь, свесив ноги с кроватки.

ти. Голова как звонкий сосуд, наполненный болью. Вчера с ребятами хорошо отметили возвращение с ракетных стрельб. Надеялись на пару суток отдыха и... вот тебе!

— Время сколько?

Александра сладко зевнула:

— Четыре часа утра!

Над дверью противно проскрипел звонок.

— Да иди же открывай, к тебе, наверное!

Чертыхаясь и глотая горькую слюну, поплелся открывать. Ноги, словно ватные.

На пороге запыхавшийся матрос Зенкин.

— Товарищ мичман, боевая тревога! Всем явиться на корабль — выход в море!

Я хмуро киваю, матрос козырнул и побежал вниз по лестнице.

Александра уже встала и торопливо укладывала в мою дорожную сумку необходимые в таких случаях причиндалы — электробритву, умывальные принадлежности, сигареты, записные книжки...

А я, тем временем, подставляю голову под холодную струю воды на кухне и ощущаю, как медленно отступает боль в голове и рассеивается в глазах вязкий туман. Зубы решаю почистить потом, на корабле. Одежда быстро, без лишней суеты. Привычка к частым тревогам приучила держать все вещи под рукой.

— Надолго теперь? — Александра стояла, скрестив на груди руки и зябко поживаясь.

«Кто бы мне самому на это ответил», — подумал я.

— Не знаю, не должно быть, — говорю вслух, надевая шинель.

Наскоро обнимаю жену, и она, стоя на площадке, слушает, как по лестнице стучат, удаляясь, мои торопливые шаги.

Серое, неприветливое небо низко висит над поселком подводников. С моря дует влажный, холодный бриз. То тут, то там в сумеречном свете фонарей виднеются одиночные фигурки бегущих людей.

«Судя по всему, тревога объявлена двум, или трем кораблям. Наверное, какие-нибудь стрельбы, или обеспечение сил ПЛЮ, — подумалось мне. — А что, — поправляя на ходу шапку, продолжаю размышлять, — учебные боеприпасы загружены, продукты питания тоже. Но почему такая спешка? Проверка боеготовности? Ну, да не все ли равно... Лишь бы не война! Вон, американские субмарины так и шныряют вдоль нейтральных вод! Черт бы их побрал совсем... Спал бы сейчас, да спал спокойненько!»

Снег по дороге к бухте был плотным, утопанным, дорога шла чуть под уклон, и поэтому бежалось легко. Впереди колыхалось черное пятно бегущих строем моряков какой-то лодки. Может даже моей!

Дорога плавно обогнула небольшую каменистую сопку, и взору предстал узкий залив с извилистой причальной линией. Черные, тяжелые сигары атомоходов неподвижно стояли, прижавшись обрезиненными бортами к пирсам.

Мне нравятся эти места, хотя многие сослуживцы проклинают и это заполярье, и бескрайнюю тундру, летом богатую не только грибами и морошкой, но и полчищами злющих комаров.

Зимой же это бескрайняя, заснеженная пустыня с жесткой щетиной редкого кустарника. Но мне по сердцу и пустынность, и дикость этих мест, наша бухта, каменистые берега с крапленными в них створными знаками. А еще редкие корявые стволы карликовых березок. Нравятся гулкие, стальные причалы со стоящими у них подводными лодками.

А вот и наша красавица! Причал номер три! Мощный, черный корпус гигантской субмарины зловеще стоит, поблескивая инеем, осевшим на нее за ночь.

Мне припомнился мой первый день службы на атомоходе. С первого взгляда было трудно предположить, что такая машина способна развивать под водой скорость автомобиля и так легко, одним движением кисти руки быть управляемой.

Да не осудят меня за излишнюю сентиментальность, но я влюблен в нашу «красотку-подводную лодку!» — как поется в известной подводникам песенке. Влюблен, как в женщину! Хотя, по сути, эта женщина настоящий монстр в десятки тысяч лошадиных сил и с вооружением, способным одним ударом стереть с лица земли несколько стран. Ну, да Бог с ними, со странами. (Что только люди не придумают для уничтожения себе подобных!) Ужас!

Мои башмаки прогрохотали по причалу, и я, впрыгнув на сходни, козырнул военно-морскому флагу на корме, и ступил на широкую палубу. Здесь можно пробежать совершенно бесшумно. Толстая резина, покрывающая корпус подводного флибустьера, надежно приглушает топот полтора сотен пар ног экипажа. Но все это детали... Ныряю в дверь надстройки, и по узкому стальному трапу поднимаюсь на мостик. Здесь начинается мое заведение, рабочее место, так сказать. Рулевая колонка, приборы гиро- и магнитного компасов, сигнальный прожектор. Но если бы только это... У главного боцмана корабля в заведовании, практически, весь корабль!

Быстро оглядываю мостик. Все на своих местах! Последние члены экипажа исчезают в круглой пасти рубочного люка. Спускаюсь последним. Боевую рубку пролетел, не касаясь ногами перекладин трапа. В предбаннике центрального поста тепло и чисто, как может быть в доме у заботливой хозяйки.

В центральном мигание многочисленных лампочек на приборах и тихий, убаюкивающий гул работающей электроники. Сажусь в удобное кресло у своего «Шпата» — главного пульта рулевого управления, и вопросительно смотрю на вахтенного офицера. Сегодня дежурит командир БЧ-3, капитан-лейтенант Шувалов. Поймав мой взгляд, Шувалов лишь плечами пожал — кто знает, что за тревога?

Через открытую дверь штурманской рубки доносятся приглушенные голоса штурманов. Слева, за широким пультом ракетных пусковых установок восседает командир БЧ-2, капитан 1 ранга Вишняков. Он сосредоточенно щелкает клавиатурой ЭВМ, проверяет параметры установки. По сути, это наиглавнейший пульт на корабле. На него и для него, в основном, и работает весь экипаж.

У меня за спиной пульт управления главного механика, пост радиометристов и рубка акустиков. В центре огромного зала ЦП большое кресло и рабочий стол командира корабля. Под ногами, на нижней палубе, расположились радисты, шифровальщики и прочие элитные службы подлодки.

— Товарищи офицеры! — скомандовал Шувалов.

Все быстро встали в приветствии.

— Сидите, сидите...— Командир корабля, контр-адмирал Сабуров появился в ЦП.

Наш КЭП самый молодой контр-адмирал на Северном флоте. Красивый, стройный, темноволосый мужчина тридцати пяти лет!

Войдя в центральный пост, и быстро оглядев посты, коротко бросил:

— Боевая тревога! Корабль к бою, походу, погружению изготовить!

Во все отсеки лодки, во все ее уголки обрушился долгий, басовитый рев сигнала тревоги.

Не знаю, как у других, а у меня при этом по телу пробегают мурашки.

Наклонившись к микрофону переговорного устройства, командир БЧ-3 четко, с расстановкой продублировал приказ КЭПа. Защелкали динамики. Из отсеков корабля коротко отвечали:

— Есть корабль к бою, походу, погружению изготовить!

По той сосредоточенности, с которой командир прислушивался к докладам, по необычной, напряженной атмосфере, царящей вокруг, я понял, что выход в море предстоит не рядовой. Интересно, что бы это все значило?

Видю, как люди в ЦП непонимающе оглядываются друг на друга, на командира.

Обычно, любому выходу в море предшествует тщательная подготовка, и времени для приготовления дается предостаточно. Наши сомнения разрешил спокойный и решительный голос контр-адмирала:

— Товарищи офицеры! Получен приказ штаба флота. Идет на загрузку специзделий!

КЭП на минуту замолчал, потер лоб и, вздохнув, бросил:

— Автономное плавание!

— Ух, ты! — это восклицание вырвалось у меня как-то непроизвольно. Все, кто был в ЦП, в первые минуты опешили и вопросительно посмотрели на командира.

Адмирал вздохнул, снова потер лоб:

— В Атлантическом океане на одной из наших лодок вышла из строя турбина. Наша задача — сменить эту лодку. Уходим на сто суток! Командирам боевых частей тщательно осмотреть материальную часть. Докладывать о малейших неисправностях! Обнаруженные неполадки будем устранять во время загрузки изделий.

«Вот тебе — раз! — подумал я,— обычно готовишься заранее, планируешь свои служебные и семейные дела, отправляешь семью на «большую землю». Что им здесь целых три месяца делать? А теперь что?»

Примерно о том же подумал каждый из присутствующих.

Ну, да ладно! Куревом запасемся при загрузке. В городке семьям сообщает и без нас. Вот ведь службишка — будь она неладна! Приучаешь себя ко всяким неожиданностям, и каждый раз они тебя захватывают врасплох! Хорошо еще, что матчасть у меня сейчас в норме, и профилактический ремонт недавно провели. Все крутится, все работает... Проблем возникнуть не должно!

Включаю свой «шпат», проверяю переключку рулей. Все отлично! Теперь наверх, на палубу...

Над базой небо заметно изменилось. Оно стало сплошь затянутым тяжелыми, серыми тучами, усилившийся ветер сечет лицо колючими снежинками. Впрочем, все признаки надвигающегося шторма. Тщательно проверяю свое хозяйство на верхней палубе. То тут, то там вскрикивают сиренами подводные лодки. Это готовится к походу группа нашего сопровождения. Первый, самый трудный рубеж американской противолодочной обороны будем проходить под прикрытием наших соседей по стоянке. Потом они вернутся на базу, а мы надежно укрытые бездонной тьмой океанских глубин, двинемся дальше, через просторы Атлантики!

Спускаюсь в лодку, докладываю штурману — моему непосредственному начальнику, о готовности боевого поста. По громкоговорящей связи слышу, как из отсеков поочередно поступают доклады о готовности.

— По местам стоять, со швартовых сниматься!

«Ну, вот и тронулись,— с грустью подумалось мне, ну и Бог с ним! Ну, и будь, что будет!»

Переключаю управление рулем на мостик и снова поднимаюсь наверх.

Швартовые команды уже выстроились на своих местах. Занимаю пост у рулевого манипулятора, оглядываюсь на сигнальный мостик. Рулевой-сигнальщик матрос Киселев уже на месте. Молодой еще. Первый год на флоте, но сигнальщик неплохой. Расчехлил прожектор и теперь протирает ветошью стекло.

— Как настроение? — спрашиваю.— Прожектор работает?

— Так точно, товарищ мичман, работает! — и для наглядности щелкнул тумблером. За металлическими жалюзи ярко вспыхнул и погас свет.

— Ну, смотри там внимательно! Хорошенько запомни позывные и не забывай, что ты должен первым заметить любую цель. Не дай Бог, командир заметит раньше тебя. Тогда и тебе, и мне «втык» будет!

— Ясно, товарищ мичман!

— Ну, как,— спрашиваю,— не боишься в автономку? Все-таки, в первый раз!

— Не то, чтобы боюсь, товарищ мичман, только вот здесь,— он приложил руку к груди,— холодок какой-то.

— Ничего,— говорю,— привыкнешь! Главное, делай свое дело, и бояться будет некогда. Не ты первый, не ты последний.

Наш разговор прервал появившийся на мостике командир со старпомом. КЭП поднес к губам мегафон:

— Отдать носовые!

Провожающая лодку команда на причале сбросила с кнехтов толстые, капроновые канаты.

— Отдать кормовые! Боцман, право руля! Центральный, правая малый вперед!

Лодка медленно, словно нехотя отошла от причала. Стоящий наготове буксир прижался к носу лодки, за его кормой вспенился, закипел бурун.

Бухта довольно узкая, и без помощи буксира субмарине не развернуться. Нос лодки медленно двинулся вправо.

Командир оглядел берега и снова поднес к губам мегафон:

— На буксире, стоп! Спасибо за работу, возвращайтесь на место!

Коротко твякнув сиреной, тудяга-буксир отвалил от борта.

— Боцман, курс на выход! Держаться створов!

Начинается моя работа. В море штормит, а здесь, в бухте, спокойно, и лодка легко слушается руля.

— Обе машины самый малый вперед!

За кормой забурлила вода и, скользя по маслянистой темной воде, корабль двинулся к выходу в открытое море!

Глава 2

Уже сутки за окном купе мелькала сплошная стена леса. Еловые массивы сменялись светлыми березовыми, затем гордо высились прямые, как струна, корабельные сосны.

Скорый поезд «Мурманск-Москва» проезжал Карелию.

Александра отложила книгу и, подперев ладонью голову, с тоской наблюдала за улетающими назад столбами, деревьями, будками путевых обходчиков. Рядом тихо посапывал трехлетний Юрка. Видно, сладко ему спалось под мерный перестук колес.

Путь лежал домой, в Орск, к родителям и в свою бронированную комнату в семейном общежитии.

Но невеселые, унылые мысли не покидали молодую женщину.

«Зачем эти поездки туда-сюда? К чему это заполярье и, вообще, замужество? Се-режка постоянно в отлучках — то в море, то на учебных сборах! А ты сиди и бесконечно его ожидай. Потом встречай, готовь обеды и ужины... Ох, уж эта кухня — терпеть не могу! — думала Шура, сдерживая постоянную зевоту.— Теперь вот снова ушел в море на три с лишним месяца! Тоска! И как ему самому не надоело... Дернул его черт на этот контракт! Мало ему показалось четыре года срочной службы, так в мичманах захотелось походить. Ну и что с того, что зарплата хорошая! Разве в деньгах счастье? А друг его, этот... Володька Кочан только и знает, что об автономках, да о бабах своих рассуждать. И что они все нашли в этих лодках? Гробы плавучие...»

Александра досадливо дернула верхней губой, и достала из-под сиденья дорожную сумку. Пора бы и перекусить! Выложила на стол колбасу, сыр, баночку красной икры и небольшой складной ножик.

Проснулся попутчик на верхней полке. Он сел на поезд ночью и с соседями по купе познакомиться не успел. Свесил вниз голову и спросил:

— Не подскажете, который час, девушка?

Александра взглянула на часы:

— Двенадцать ноль-ноль!

— Спасибо,— ответил мужчина, которому можно было дать приблизительно тридцать пять лет. От силы — сорок! Ровная, короткая стрижка и уверенный голос выдавали в нем военного.

Александра невольно прикинула: не ниже майора будет... Открыла нож, взяла баночку икры.

— Разрешите помочь? — мужчина легко соскочил с полки и присел рядом.

Шура протянула попутчику нож и улыбнулась:

— Пожалуйста, вы очень любезны!

— Вот, держите,— мужчина протянул Александре аккуратно вскрытую банку.

— Спасибо,— смутилась она.— Простите, а вы кто по званию будете?

— О, да вы проницательны, как разведчик! Разгадали во мне военного. Молодец! А по званию я капитан. Ракетчик. Кстати, что же мы так? Давайте познакомимся,— капитан встал, галантно поклонился, протянул руку:

— Валера!

— Александра,— ответив на рукопожатие, сказала она,— очень приятно!

— Мне тоже,— еще раз поклонившись, ответил Валерий,— давайте вместе пообедаем! У меня тут тоже кое-какие припасы имеются. А это,— он кивнул на спящего малыша,— ваш сын?

— Да,— развела она руками,— приходится вот возить с собой! С кем его оставишь?

— Понимаю,— кивнул капитан, и достал из-под стола кожаный, объемистый портфель.— Можно поинтересоваться, Саша, куда едем, откуда?

Валерий поставил на стол коробку с вялеными креветками, красивую, импортную банку ветчины и большой кусок вкусно пахнущей красной рыбы:

— Это семга,— пояснил военный,— так куда вы едете?

— Домой, к родителям! Из Гремихи,— добавила Александра, и махнула рукой в хвост поезда.

— Ясно,— весело сказал Валерий, тонкими ломтиками нарезаая ветчину,— муж моряк?

— Да, мичманом на подводной лодке. Постоянно по морям, по волнам. Вот и сейчас на три месяца ушел...— Александра вздохнула и внимательно посмотрела на капитана.

— Я тоже недалеко от вас служу. На Кильдине. Знаете такой остров?

— Да, муж на карте показывал. Они там, как-то, на рейде стояли. Залив «Могильный» называется!

— Вот видите,— доставая из портфеля бутылку коньяка, сказал капитан,— мы, вроде бы, соседи с вами.

— Может без этого? — Александра кивнула на бутылку.

— О, такого вы еще не пробовали,— покачал головой Валерий,— настоящий французский! Больше десяти лет выдержки. Да вы не волнуйтесь, мы за знакомство и за удачную дорогу понемножку... Да и для аппетита полезно! — капитан снова пошарил в портфеле и достал два красивых, пластмассовых стаканчика. Налил светлую, янтарную жидкость:

— Ну, за знакомство!

Коньяк, действительно, оказался превосходным! Александра почувствовала, как глущая волна вкусной, ароматной жидкости пронизала ее сверху до низу.

— Даже закусывать не хочется,— засмеялась она.

— А я что вам говорил! — поднял указательный палец капитан.— Плохого не держим! Но закусывать все равно надо. Вот, пожалуйста,— Валерий подал спутнице тонкий ломтик семги,— ешьте, не стесняйтесь! Это меня жена так упаковала.

— А вы едете...

— В командировку, Саша. Мне часто приходится уезжать из дома. Служба! — Валерий улыбнулся.— Вы же сами знаете, что это такое. По крайней мере, должны знать, как жена моряка...

— Да-да, конечно,— закивала Шура, почувствовав невесть откуда взявшуюся досаду.— И вы считаете, что это нормальная семейная жизнь?

Капитан слегка пожал плечами, отправляя в рот кусок колбасы:

— А как же иначе? Мы же военные люди! И если я, допустим, всю жизнь служу, так мне что, прикажете не жениться вовсе? — Валерий засмеялся.— Ну что, еще по плоточку?

Александра молча кивнула и задумчиво посмотрела в окно. Проснулся малыш. Сел, потер кулачками глаза:

— Мама, пить хочу!

Александра взяла со стола стакан остывшего чая:

— Проснулся? Ну вот и хорошо! На, чайку попей. Кушать хочешь?

Юрик покрутил головой:

— Не хочу!

— О, какие мы большие и красивые! — Валерий протянул руку и погладил малыша по голове:

— Меня зовут дядя Валера, а тебя как?

Малыш, широко открыв глаза, молча смотрел на незнакомого дядю.

Александра усмехнулась:

— Ну, скажи дяде, как тебя зовут?

— Юла,— тихо проговорил мальчик и снова потер кулачками глаза.

— Вот и познакомились,— со смехом сказал капитан и, достав из портфеля большой золотистый апельсин, протянул ребенку.

Мальчик, не сводя глаз с Валерия, взял гостинец обеими руками и приложил его к своим губам.

— Что надо сказать дяде? — спросила Шура и благодарно взглянула на капитана.

— Пасибо,— тихо, почти шепотом ответил Юрик.

— Давай, я тебе почищу,— протянула руку Шура.

Мальчик радостно улыбнулся и дал матери апельсин.

— У нас в Гремике тоже круглый год цитрусовые продают,— сказала Шура, очищая плод,— что ни говори, а какие-то витамины людям нужны.

Валерий встал:

— Пойду в тамбур, покурю! — Он ласково потрепал малыша по голове и вышел.

Александра отделила от апельсина несколько долек и протянула сыну. Мальчик вкусно зачмокал, а Шура снова, подперев голову ладонью, стала смотреть на улетающие в прошлое леса. Она подумала о капитане и с удивлением заметила, что ей нравится этот веселый красавец-мужчина. Даже больше, чем нравится...

Она невольно представила себя с ним. Представила, как он поднимает ее на руки и куда-то далеко-далеко уносит. Встряхнула головой:

— Фу, наваждение какое-то,— неожиданно для себя проговорила она вслух и улыбнулась сыну тихо и загадочно.

Глава 3

Полярная, беззвездная ночь закручивала над заливом снежные вихри. Огромное, высокое тело баллистической ракеты висело над лодкой на стальных тросах и матово-зловеще поблескивало в лучах базовых прожекторов.

Погрузка заканчивалась. Стрела гидравлического крана опускала в шахту последнюю ракету.

По расписанию во время погрузочных работ мое место — на мостике у включенного рулевого управления. За три часа погрузки холод давал о себе знать. меховая куртка и толстый водолазный свитер под ней все меньше сохраняли тепло тела. Но это не мешало течению мыслей. А подумать всегда есть о чем. Например, о собственной жене. Странная она! В первую очередь ее странность заключается в безрассудной холодности. Женщина, без каких либо эмоций. То есть, вообще! Даже в постели. Может думать в самый трогательный момент о чем-то постороннем, или задумчиво водить пальцем по стене. Ссоры в семье штука неприятная. Ссоры с Александрой — невыносимая!

Мои мысли прервал прибежавший на мостик матрос Рязанов:

— Товарищ мичман, большие горизонтальные рули не переключаются. Мы там проверили на всякий случай — не работает!

— В десятом смотрели насосы?

— Так точно, насосы в норме. Но рули из центрального не переключаются.

— Так-так, — говорю, — иди, подними Нефедова, он разберется!

— Товарищ мичман, так меня Нефедов и послал к вам.

— Бегом вниз, пусть он оденется и заменит меня.

Матрос козырнул, и его маленькая, щуплая фигурка скрылась в жерле рубочного люка.

«Этого еще не хватало, — с досадой подумалось мне, — теперь, пока все проверишь, сколько времени уйдет!»

Поиск неисправности, к счастью, занял не больше двадцати минут — оказался неисправным прибор обратной связи. Вскрыть коробку, зачистить контакт и проверить работу прибора — вот и вся работа! За такой успех решил себя вознаградить. Сходил в кают-компанию и напился кофе с галетами.

Погрузка наверху закончилась. Тело последней ракеты почти скрылось в черной бездне шахты. Пройдет еще два-три часа, пока ракетчики проверят все свои системы. Свободного времени у меня еще предостаточно. Так вот, Александра...

Ссориться нам приходилось частенько. И чаще неизвестно из-за чего. Ну, взбредет ей в голову вдруг надуться и замолчать. Ни с того, ни с чего! И бесполезно выпытывать у нее причину. Хоть пытай ее, не скажет! И сидишь, как дурак, ломаешь голову: «В чем же я провинился?»

Иной раз до утра не давал спать ни себе, ни ей, пытаясь докопаться до истины. Все впустую!

Кто-то спросит: «А зачем тогда женился?»

Отвечу: «А я не знаю!» Четыре года отслужил на срочной, приехал домой, и нас сразу же познакомили. Отцы наши работали в одном учреждении. Вот и свели нас...

И ведь не было такого в первые дни нашего знакомства. Холодность была! Но была и надежда, что со временем потеплеет, повзрослеет, что ли... Ан, нет!

Сейчас, наверное, домой, в Орск едет. С Юриком. Хороший, симпатичный мальчишка. И не капризный, как мать.

На мостик поднялся командир. Щелчок переговорного устройства:

— По местам стоять, со швартовых сниматься!

Ну, вот и все, поехали! Впереди моя седьмая автономка. Даст Бог, обойдется без особых приключений. Интересно, как там моя Шура сейчас? Если в дороге, то, что делает? Может, спят с Юриком, а может, сидит и молча смотрит в окно. И, может быть, в данную минуту одновременно со мной думает? Она обо мне, а я о ней...

Но, скорее всего, едва села в поезд, как меня из сердца вон! Из памяти тоже! Обидно!

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

22 сентября. Баренцево море. Кольский залив.

Сегодня во время загрузки «годки» сильно побили молодого матроса из трюмной команды, Федорова. Тот или не выполнил какого-то их требования, то ли нагрубил кому...

Ходил разбираться. В четырехместной матросской каюте сидело пятеро моряков, служивших на флоте по последнему году. На мои вопросы, что, да как? — один из них, Крупнин, усмехнулся:

— Так этот салажонок к вам жаловаться прибегал?

— Да нет,— говорю,— мне другие молодые рассказали. Не пора ли, мужики, кончать этот беспредел?

— Товарищ мичман, мы ближе всех к молодым, и нам здесь видно, что к чему... Вы же прекрасно понимаете, что дисциплина, в основном, держится на годках!

— Вы нам не мешайте,— вставил другой,— а то мы опустим руки, они совсем разболтаются! Даже вас начнут посылать куда подальше...

— Так нельзя же,— говорю,— вот так жестоко, по-бандитски! Поддай он на вас рапорт командиру — и все... трибуналом пахнет!

— Не в первый раз, товарищ мичман! Жаловаться никто не посмеет! А показать что к чему, некоторым, которые не понимают слов, очень даже нужно! Да вы не беспокойтесь, все будет хорошо, и дисциплину на корабле мы вам гарантируем. Только рук нам не обрубайте!

А я вспомнил свою молодость. Как пришел первый раз на лодку девятнадцатилетним пацаном. И, ох, как доставалось поначалу от годков! И били, и заставляли зубной щеткой толчки драить. Всякое было... Пока сам не стал годком, и проделывать с молодыми то же самое. Конечно, годковщина — дело поганое, незаконное, но, видимо, изжить его удастся еще не скоро. Пусть старая, но, пока еще, флотская традиция, переходящая из поколения в поколение.

Снегопад уже прекратился, но чувствовалось, что ветер усиливается. Остался позади погрузочный причал, получено «добро» на выход из залива, и лодка быстро шла вдоль диких, пустынных берегов. Верхушки волн все гуще покрывали белоснежные гребешки. Началась килевая качка. Нос субмарины то высоко поднимается, то опускается по самую палубу в кипящую воду.

— Обе самый полный вперед! Боцман, держать курс Ноль градусов!

За кормой лодки вскипела вода, и корабль резко увеличил скорость. Нос корабля почти полностью зарывается в воду, белоснежные усы волн отходят от форштевня чуть в стороны и красиво обрамляют весь корпус. За кормой обозначился светлый кильватерный след. Картина, я вам доложу, изумительной красоты, когда атомоход полным ходом идет в надводном положении.

Их переговоров КЭПа со штурманом я понял, что до точки погружения идти ровно три часа. Вглядываюсь в небо над головой, вслушиваюсь в гул ветра в надстройке. Невольно начинаю глубоко и часто дышать. Скоро ничего этого не станет. Ни неба, ни ветра, ни чаек, как всегда сопровождающих корабль. Весь мир изменится.

Замкнутое пространство, неоновое освещение и неумолчный гуд приборов. Полторы сотни человек составят маленькое автономное государство со своими законами, укладом, традициями, с полной оторванностью от остального мира. Единственная наша привилегия — радиоэфир. На сеансах связи радисты принимают и передают сообщения. О последних событиях в мире экипаж узнает своевременно.

Объявили боевую готовность номер «два», и меня на руле сменил матрос Рязанов. Через час обед. Жаль, что обедать придется в надводном положении. Чем дальше мы отходим от залива, тем ощутимее становится качка. Спускаюсь вниз, иду в свою каюту. Широко расставив ноги и держась за переборки. Сосет под ложечкой, и слегка кружится голова. Каждый моряк переносит морскую болезнь по-своему. Одних просто мутит, у других болит голова, третьи ничего не могут есть и постоянно блюют, четвертые, наоборот, испытывают приступы бешеного голода, и готовы поглощать все подряд в огромных количествах. К последним отношусь я сам и считаю, что мне в этом плане повезло. Тем более, я в детстве отличался отменным аппетитом. А в условиях автономки подводники чем-чем, а в еде не обижены.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

Тот же день. 15 часов. Баренцево море.

С этого момента начинается отсчет времени автономки. Надеяться нам отныне не на кого. Продуктов у нас достаточно. Кислород вырабатываем сами, пресную воду тоже. На борту имеется кинопроектор. Фильмами запаслись...

И вот долгожданная команда:

— Срочное погружение!

Меня эта команда застала на послеобеденном отдыхе. Я лежал, не раздеваясь в каюте, и думал о предстоящем походе. Об Александре и маленьком сыне.

В центральном у пульта уже сидит старшина первой статьи Проворников Володя. Сейчас он вертикальщик. Сажусь рядом, в соседнее кресло, включаю пульт, проверяю переключку рулей. Проворников сидит, почему-то, хмурый — чем-то расстроен. Потом надо будет расспросить, в чем дело. На всякий случай все же спрашиваю, все ли в порядке? Он подумал, что я интересуюсь материальной частью, ответил утвердительно. Значит, его мучает что-то другое. Мы сидим, почти касаясь друг друга плечами.

Наверху послышался приглушенный удар. Это захлопнулся верхний рубочный люк! В ЦП вошли КЭП и старпом:

— Заполнить среднюю группу!

Слышно, как вода с шумом врывается в балластные цистерны.

— Боцман, погружаться на глубину 100 метров!

Лодка с дифферентом на нос пошла вниз. Стрелка глубиномера поползла вправо, отсчитывая метры.

— Глубина 100 метров!

Щелкнул динамик:

— Осмотреться в отсеках!

— Боцман, погружаться на глубину 300 метров!

Переключаю рули на погружение. Субмарина клюнула носом и пошла на заданную глубину. Кисти моих рук легко касаются рукояток манипуляторов. Легкое движение больших пальцев, и лодка накренилась на нос еще больше.

— Глубина 300 метров!

Командир стоит в центре ЦП и внимательно вглядывается в многочисленные приборы.

— Механик, обе средние вперед!

Я почувствовал, как моя спина слегка вжалась в спинку кресла. Атомоход помчался через черную океанскую глубину.

В момент погружения я всегда ощущаю нечто таинственно-волнительное. В любом случае, это меняет не только настроение, но и весь уклад жизни. Наверное, то же происходит и с космонавтами при выходе ракеты на орбиту.

— Самый полный вперед!

Моя спина еще сильнее вдавилась в кресло. Подлодка со скоростью скорого поезда устремилась в таинственный мир Атлантики.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

23 сентября. Норвежское море. 23 часа.

Уже несколько часов идем на рабочей глубине. КЭП поздравил экипаж с началом выполнения боевой задачи. Где-то в глубинах нас ожидают такие же парни, как и мы. Точно в заданном районе мы незримо встретимся и поход для той лодки можно считать законченным. Счастливчики!

Мы же продолжим боевое патрулирование с севера до тропических широт и обратно. Впереди главное испытание — преодоление первой линии противолодочной обороны. Акустики хорошо слышат две сопровождающие нас лодки и постоянно докладывают КЭПу о контакте. Пока все идет как запланировано!

Внезапно заболел матрос Рязанов, мой подчиненный. Положили в лазарет. Я ходил к корабельному врачу, капитану Николаеву. Оказывается, у Рязанова нервный срыв. Ведь это его первое погружение. Сильно переволновался и получил что-то вроде шока. Доктор говорит, что ничего тут страшного нет. Сутки отлежится и в строй, на вахту! Пока же придется распределить время на оставшуюся рулевую команду. Ну, это не страшно! Говорил с Проворниковым по поводу его настроения. Оказывается, перед выходом в море он получил неприятное известие. Его девушка вышла замуж. Не дождалась моряка. Как мог, успокоил его, говорю:

— Плюнь! Недостойна она тебя! Подумай, кто ты, и кто она... И, вообще, будь мужчиной! Вернешься домой, все девчонки твоими будут!

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

Граница Северного и Норвежского морей. 18.00.

По кораблю объявлен режим тишины. Приближаемся к линии ПЛО. Скорость хода снизили до минимальной.

*«Мы по отсекам
В мягких сланцах.
И тишина, и чуток сон!
Мы — тень «Летучего Голландца»,
Мы — затаенный вздох времен»...*

Глубину погружения, наоборот, увеличили до максимальной. Небо над этим районом систематически бороздят противолодочные самолеты стран НАТО. Они, заразы, контролируют глубины при помощи акустических буев, которые сбрасывают в море. Постоянно патрулируют противолодочные же корабли. Прорваться через такие ограждения задача не из легких.

Рязанов оклемался быстро и сегодня заступил на вахту. Сидит за вертикальным рулем. Но бледность с его лица еще не сошла. Малейший перепад давления в отсеках

воспринимает настороженно, с внутренним напряжением. Я сижу рядом, гляжу на него и бодро улыбаюсь:

— Да ты расслабься, Костя! Подумай, если весь экипаж будет вот так бледнеть и трястись, то далеко мы не уйдем.

— Не знаю, товарищ мичман, но мучает меня, то ли предчувствие чего-то хренового, то ли еще что...

— Ну, это у тебя синдром глубины, иногда, по первому разу, бывает так.

Матрос поинтересовался, а был ли у меня самого синдром этот?

И я вспомнил, как десять лет назад впервые вышел в море. Был не то, что бы страх, а чувство схожее с тем, которое испытываешь на качелях, когда они с высоты устремляются вниз. Захолонет сердце, и будто холодом всего обдаст.

— Был,— говорю,— синдром, но в обморок не падал. А ты прямо как красная девица!..

Матрос только покраснел и крепче вцепился в манипулятор.

— Ну, ты что в него вцепился? Поставь на автопилот и расслабься... Вот так, молодец!

Лодка медленно, словно крадучись, шла на большой глубине. Где-то позади, по сторонам шло наше сопровождение. В динамике, за моей спиной звенькали эхом акустические посылки. Акустики вслушивались в глубины. Мир звуков океана настолько богат, что неискушенному уху разобраться в нем почти невозможно. Здесь и косяки проплывающих рыб, и переключки китов, и клеканье касаток. Кроме того, спешащие по своим делам торговые корабли, рыболовные траулеры, шумы винтов которых опытный акустик никогда не спутает с противолодочным кораблем или подводной лодкой.

— Центральный! — громкий голос акустика, мичмана Родионова взорвал тишину отсека.— Акустический буй слева девьянсто, дистанция — десять кабельтовых!

Дежуривший в ЦП старпом по переговорному устройству тут же доложил о контакте командиру. Через минуту КЭП был уже на месте:

— Боевая тревога! Право руля! Обе турбины самый полный вперед!

Ну все, мы на крючке! Нас засекла аппаратура буя, теперь о контакте с нами узнает противолодочная авиация. Будут задействованы военно-морские силы США в этом районе. Сообщение об обнаружении русской субмарины немедленно уйдет в Пентагон... Ну ничего, авось прорвемся! Хотя, надеяться на «авось» — последнее дело.

Лодка резко увеличила скорость, я получаю команду погружаться на максимальную глубину и отжимаю манипулятор от себя. Главное сейчас, уйти от буя как можно дальше. А затем мы, по идее, должны затаиться и грамотно сманеврировать. Все должно получиться. КЭП мужик головастый, и опыта ему не занимать. «Адмиралов» за здорово живешь не присваивают! Бесперывно поступают доклады акустиков. Расстояние от буя увеличивается. Но контакт еще достаточно сильный. И, вдруг, новая неприятность. Сигнал буя приняла американская подлодка. Это уже совсем плохо! Звуки акустического импульса чужого корабля хорошо слышны в ЦП:

— Пью-ю-ю-у-у, пью-ю-ю-у-у...

Из разговоров в ЦП понимаю, что контакт мощный, и «сели нам на хвост» капитально!

В отсеке повисло тревожное молчание. И вдруг:

— Боевая тревога! Первый и второй торпедные аппараты к выстрелу приготовить!

Напряжение передалось на весь корабль, и мне подумалось, что все правильно, и излишняя предосторожность не помешает. Никто ведь не знает, что там, у них на уме. Если надумают атаковать, мы должны немедленно среагировать. На полном ходу делаем полную циркуляцию, затем противолодочный зигзаг. Обе сопровождающие нас лодки выполняют свою задачу, стараясь отвлечь противника на себя. На ка-

200

кое-то время нас потеряли из виду. Но радоваться долго не пришлось. Контакт возобновился! Матрос Рязанов побледнел еще больше и рукоятку манипулятора так сдавил в ладони, что даже пот на лбу выступил! Сильно толкаю его кулаком в плечо:

— А ну, расслабься,— шепчу,— или заменить тебя?

Но ему на смену уже явился старшина 1 статьи Проворников. По боевой тревоге его место именно здесь.

Рязанов глубоко вздохнул, передал управление и быстро исчез.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

24 сентября. Северная Атлантика. 23.00

Ура, нас потеряли! КЭП выбрал самый удачный момент и дал приказ остановить обе турбины. Лодка неподвижно повисла в пучине.

*«Запрет на шум —
Так, значит, надо!
На громкий разговор запрет...
И лишь акустика доклады:
Все хорошо, контактов нет!»*

Чужая субмарина пронеслась над нами и несколько в стороне. Прошло время — час, а может быть, два. Американцы проскочили мимо, затем вернулись и сделали полную циркуляцию.

В центральном все сидели с каменными лицами, невольно сдерживая даже дыхание.

Пронесло!.. Мы медленно, очень медленно и тихо двинулись по своему маршруту.

Глава 4

Сентябрь в этом году выдался холодным и дождливым. Ветер вздыхал и ворочался в кучах опавшей, волглой листвы. Недавно прошел дождь, и воздух в городе был насыщен влагой и ознобом.

Александра шла от матери с испорченным настроением. Еще в поезде «Москва-Орск» ей пришла мысль больше не возвращаться на север, а ждать Сергея дома. Ведь он и так каждый год приезжает в отпуск. «Два-три месяца срок достаточный, чтобы побыть вдвоем»,— думала она. Шура пыталась доказать матери правильность своего решения — мол, и с сыном мотаться накладно и Сергею до окончания контракта осталось каких-то два года...

— Чего это тебе, дочка, в голову взбрело? — хмурилась мать.— А ты подумай, каково ему там одному придется? Ни проводить, ни встретить некому. А Юрка... Ты собираешься его без отца оставить?

— Мама, не впадай в крайности,— с раздражением отвечала Александра.— Куда он денется? Устала я с ребенком туда-сюда летать! Да и там, на севере, почти всегда одна. Он постоянно в море уходит. По неделе, по две его нет. А то и месяцами пропадает. Да я его лучше здесь буду ждать! И ты рядышком, и комната наша в общежитии под присмотром будет.

— Ты подумай, дочь, хорошо ли это? Муж приходит из плавания, а его никто не встречает. Не оставляй его одного. Кстати, как он сам к этому относится?

— Да он еще не знает о моем решении.

Мать укоризненно покачала головой:

— Ох, Шурка, потеряешь ты его. Не боишься, что другую найдет? Юрика пожалей!

Александра шла к трамвайной остановке и чувствовала, как растет и ширится в ней досада на весь мир. На Сережку с его подводными лодками, на мать, не желающую ее понять, на Юрку, которого приходится всюду таскать за собой, на погоду занудную.

Еще она чувствовала жалость. Ей было до слез жаль себя. Ощущались отчуждение и брошенность. Да-да! Ее, молодую, красивую женщину все бросили, не понимают. Даже капитан этот, Валера, в поезде не одобрил ее. А ведь какой красавец-мужчина! А она, фактически, предоставлена сама себе. И что вы прикажете делать в таком случае? Ведь годы то уходят, а для себя еще не жила. Нет уж, с меня хватит!

Поднявшись на третий этаж семейной общаги, Александра огляделась. Длинный, полутемный коридор, как всегда, был грязен и неуютен. Возле дверей стояли мусорные ведра, ночные горшки, старая, стоптанная обувь. И запах! Традиционный запах любого общежития.

Шура открыла комнату, быстро разделась и поставила на плитку чайник. Достала из стенового шкафчика красивый, розовый халатик, привезенный Сергеем из Эстонии. В прошлом году его экипаж ездил в центр межрейсовой подготовки.

Она переделась и прилегла отдохнуть на диванчике. Закрыв глаза, она стала думать о себе, Сергее и о сыне...

Разбудил ее осторожный стук в дверь. Она встала, поправила перед зеркалом прическу. На плитке давно кипел чайник. Окно занавесил сумрак осеннего вечера. Стук в дверь повторился. Александра подошла, открыла. На пороге стоял Анатолий, сосед!

— Здравствуй, Шуручка, с приездом!

— А, Толя, проходи! — Александра улыбнулась и впустила полноватого молодого человека лет тридцати.

— Надеюсь, ты одна?

— Одна, одна, Толик,— Шура прильнула к мужчине, положив руки ему на плечи.

Анатолий обхватил ладонями ее лицо:

— Соскучилась?

Александра молча прильнула к его губам:

— А ты не спрашивай... Чай будем пить?

— И только то? Год не виделись, а ты меня чаем угощаешь?

— Извини, милый, но у меня больше ничего нет.

— Так я быстро сбегаю, ладно?

Александра молча поцеловала соседа:

— Ты иди в магазин, а я что-нибудь на стол организую.

Анатолий быстро вышел, а Шура принялась хлопотать по немудреному хозяйству комнаты.

(Окончание следует)

Семен Краснов
(г. Тольятти)

ЗЕМЛЯ МОЯ — САМАРСКАЯ ЛУКА

Семен Васильевич Краснов родился 13 октября 1962 года в городе Ставрополе, ныне городе Тольятти Самарской губернии.

Окончил Тольяттинский политехнический институт в 1984 году. Учился в Литературном институте им. Горького, мастерская Инны Ростовцевой (поступил в 2006 году). Работает заведующим лабораторией литературного творчества Тольяттинского государственного университета с 2006 года. В 2009, 2010 годах изданы сборники стихов «Последний из сторожевых» и «Дело десятое».

Член Союза писателей России с 2007 года.

ЛУКОРЕЧЬЕ

За рекой, за Волгой — Лукоречье,
Сказочная дивная страна.
Закрывает ласковую вечность
Древних гор зеленая стена.

Жигули в тумане, в паре, в дыме —
Пеленой окутаны леса.
По ущельям пятками босыми
Бродит эхо, будит голоса

Молчаливых каменных утесов,
Тишина висит по-над водой.
В зеркалах небесно-синих плесов
Челн плывет с изящною ладьей.

Запах трав больную душу лечит,
Красота ласкает слух и взор.
Сторона родная — Лукоречье,
Вотчина Хозяйки Девьих гор.

* * *

Стихи пишу...
Откуда это? —
В потоке неземного света
Блеснет магический кристалл:
И то, что знал,
И что не знал,

И то, что было
И что будет
Среди дождей, в сплетенье судеб,
Среди любви и суеты,
Среди словесной маеты....

И между «настьем» и ненастьем
Возникнет половодье счастья,
Переведутся все напасти,
Уйдут в себя разливы страсти,
Появится покой души.
Еще все будет.
Не спеши...

* * *

Осиновка. В руинах древний храм.
Июньский дождь, как помин по усопшим,
Щербатых окон шелестящий шепот:
«Молитесь, дети, верьте. Аз воздам!»

Пустой причал. Молчащая река.
Поля, поля... Пустынная дорога.
С немой душой нельзя дойти до Бога.
...Земля моя — Самарская лука.

ГОРОД НЕДОСКАЗАННОЙ ДУШИ

*Писатель Петр Проскурин
побывав в Тольятти, назвал его
«городом без души»*

Клеймо поставил: «Город без души...»
И растворился в суете столичной;
Большой писатель. Странник безразличный.
С хулой огульной, право, не спеши!

Усталый град, за тяжкие грехи,
Возводит, в искупление, Божьи храмы,
И к ним идет Душа, в платочке Мамы,
Лаская взглядом куполов верхи;

Вульгарность ярких улиц. Этажи.
Спесивый город, нервный и манерный.
Глоток воды — цветы собаке Верной —
Живой родник в окраинной глуши;

Татищев-всадник, спрятанный в лесу,
За сотни лет, выдавший много крови,
Могучей дланью вестника любви,
Святую Душу держит на весу;

...Звезда с луной уйдут в ночной дозор,
Украсив небо в серебристом тоне;
И Божий сын в пурпуровом хитоне,
Сойдет на склоны Жигулевских гор...